

А ещё стеклянная ширма за спиной Нефритового императора, нефритовые галереи и золотые колонны, окружавшие дворец, испаряющиеся клубы тумана, доходившие до лодыжек в глубоких прудах... Если смотреть издали, казалось, будто небесный дворец вот-вот сойдёт со страницы.

Се Ин стоял перед кроватью и любовался картиной целых полчаса, прежде чем оторвал от неё взгляд и тихо похвалил:

— Нарисовано прекрасно... Даже слишком прекрасно...

Прежде он думал, что тот лишь с изысканной точностью передаёт живой облик персонажей, но, взглянув на этот длинный свиток, понял: в изображении грандиозных сцен его мастерство ничуть не уступает придворным живописцам из Палаты Вэньсы. Разве что складкам одежды, бородам да волосам не хватало ювелирной тонкости: юноша предпочитал передавать изгибы ткани контрастом светлых и тёмных тонов. Должно быть, сказывалась чрезмерная занятость учёбой, да и терпения молодому человеку пока не хватало: полагаясь на то, что его картины берут яркой, ослепительной красотой, он не желал тратить время и силы на подобную кропотливую отделку.

Но если не касаться техники мастерства, как он вообще умудрился придумать такой пир небожителей?

И дело вовсе не в пренебрежении: хоть Цуй Цюэ и сдал экзамены на звание цзиньши, став чиновником одного из ведомств, едва ли он сам видал истинно величественные зрелища. Что же до Цуй Се, так тот, вероятно, и на обычных-то пирах бывал от силы пару раз. Каким образом он сумел из ниоткуда придумать столь роскошный, грандиозный божественный чертог? Как смог собрать за одним столом бессмертных и будд обеих религий, да ещё и безупречно распределить рассадку?

Как юный студиоз, с детства росший в тиши затворнического дома, а взрослея, полностью ушедший в книги и избегавший женского общества, сумел придумать столь сложные танцы и музыку и нарисовать парящих небожительниц с причёсками, подобными облакам, и хрупкой, божественной грацией?

Уж не та ли это мудрость из прошлых жизней, о которой толкуют буддисты? Совсем как у Фан Чжунъюна из прошлой династии, который обладал знаниями от рождения, даже не учившись?

Он решил позвать Цуй Юаня и напрямую спросил:

— Как твой молодой господин создал этот свиток? Позаимствовал замысел у других мастеров или сам, сидя дома, всё это придумал?

Цуй Юань всплеснул руками:

— Какое там позаимствовал! Наш молодой господин прежде отродясь не писал таких больших свитков! Ради этой картины он истощил все силы: накупил целый короб с картинами божеств, нарисованных местными книжниками, и без конца рисовал да перерисовывал, аж сам исхудал! Когда он делал наброски, я сам того не видел, но мой пёс недостойный сказывал, что молодой господин работал день и ночь без сна и отдыха, извёл целую стопку бумаги, пока не довёл всё до ума! Если бы не картина для цянху, наш молодой господин ни ради кого так не старался бы!

Взгляд Се Ина, острый как клинок, устремился на слугу:

— Снова исхудал? Сказывали ведь, будто кухарка у вас хороша и он набрал пару цзиней?

Цуй Юань горько усмехнулся:

— Да это он сам толкует, будто поправился, а любому зоркому человеку сразу видно — исхудал! В следующем году в феврале у него уездный экзамен. Молодому господину нужно и учиться, и за книжной лавкой присматривать, да ещё каждое утро вставать ни свет ни заря на упражнения с оружием, а недавно он всё время пропадал у уездного книгохранилища... Тут уж никакое железное здоровье не выдержит.

Се Ин нахмурился:

— Он ведь ещё даже не достиг совершеннолетия, куда ему так изнурять себя? Подошьёт здоровье — про государственные экзамены можно будет и не думать. Сам он по молодости лет удержу не знает, так ты хоть приглядывай за ним. Позже я велю собрать укрепительных да питательных снадобий, заберёшь их с собой, сходишь к лекарю, пусть составит рецепт, и заваривай ему по чашке каждый день.

Заведя разговор об этом, Се Ин на время позабыл о расспросах про свиток: даже если юноша на что-то и опирался, написать настолько великолепную картину менее чем за два месяца мог лишь человек с поистине редким, непревзойдённым талантом.

И надо же — такой чудо-ребёнок, способный к учёбе и преуспевающий в живописи, в собственном доме оставался совершенно непримечателен! Когда всадники в красном привезли патриарха Сюй и прочих еретиков в столицу с отчётом, они наведывались в дом Цуй Цюэ, дабы подтвердить личность Цуй Се. И тогда со слов его домочадцев выходило, будто он ни на что не годный бездельник и бонвиван.

Се Ин слегка нахмурился, чувствуя, как в душе поднимается тихая жалость: этот юноша, чьи таланты и благородство сияли ярче пламени, перед семьёй Цуй вынужден был жить такой серой посредственностью. Лишь покинув родной дом, он начал постепенно раскрывать себя, но из-за упущенного времени и отсутствия поддержки ему приходилось изнемогать от трудов, взвалив на плечи тяжкую ношу и в одиночку пробивая себе дорогу.

Се Ин лично написал надпись на свитке, приказал вырезать несколько изящных печатей и оттиснуть их, а затем отдал картину в мастерскую, где её оформили точь-в-точь как произведение признанного мастера. Выбрав день, когда евнух Гао был свободен от службы, он спрятал свиток в рукав и отправился к нему в усадьбу.

Гао Лян со своим сыном как раз отбывали досуг дома, думая о свитке с путешествующими небожителями, который им обещал Се Ин.

Впрочем, они не полагались полностью на Се Ина: сами разыскали несколько старинных свитков эпохи Сун, а также заказали копию свитка «Поклонение первородным владыкам», заменив лица персонажей на облик красавицы Цуй. Добавили позолоты и ярких красок — вышло довольно неплохо, создавалось впечатление небесной возвышенности. Но подделка есть подделка, с оригиналом ей не сравниться: выражения лиц вышли топорными, а фигуры — деревянными. Вручи они такое императору, никого бы не удивили.

Если уж и у Се Ина окажется подобная поделка, то им лучше отказаться от мысли отличиться и впредь покорно преподносить императору изысканные драгоценности да искусные

безделушки.

Пока отец с сыном предавались этим мыслям, слуга прибежал с вестью, что прибыл Се Ин. Гао Лян мгновенно просиял, а его приёмный сын и вовсе вскочил со стула и замахал руками:

— Живее просите в дом! Подайте цяньху Се чаю и угощений, господин желает его видеть!

Вскоре Се Ин быстрыми шагами вошёл во двор. Служанка внутри заранее приподняла занавесь и с улыбкой поклонилась:

— Проходите, господин, наш хозяин и старший господин давно вас ждут.

Не успела она договорить, как к дверям выскочил Гао Цянь. Поймав Се Ина за руку, он рассмеялся:

— Я так и знал, брат Се, что ты не расстроишь ни батюшку, ни меня! — Он посмеялся, подмигнул и понизил голос: — Неужто и впрямь достал картину?

Се Ин сдержанно улыбнулся:

— Будь она дурна, дерзнул ли бы я явиться сюда сегодня?

С этими словами он прошёл в главный зал и поклонился евнуху Гао:

— Се Ин сдержал слово и наконец принёс свиток, над которым трудились с большим усердием.

Он протянул парчовый футляр. Евнух Гао с нетерпением вынул свиток и начал медленно разворачивать его левой рукой. Первыми перед ним предстали троё: Нефритовый император, Ванму и Будда. И хотя имён на свитке выведено не было, а одеяния разнились с привычными изображениями божеств и будд, евнух Гао с первого же взгляда понял, кто перед ним. Казалось, самому небу было угодно, чтобы именно они занимали высшие престолы среди сонма богов и будд.

Их облик был исполнен благородства, свят и величественен.

Гао Лян вырос в придворной школе для евнухов и был учеником настоящих академиков Ханьлинь, а потому прекрасно разбирался в живописи и каллиграфии. Взглянув лишь раз, он восторженно воскликнул:

— И впрямь манера красавицы Цуй, да только кисть стократ сильнее! В конце концов, та красавица Цуй — лишь женщина: кисть в её руке слаба, а линии незрелы. А здесь же в каждом мазке чувствуется кость и жила, сила пробивает бумагу насквозь! Сие произведение наверняка создал высокий, статный муж!

...Высокий да статный — сказать трудно, но, сказывают, он каждый день упражняется с оружием, так что силы у него наверняка прибавилось.

Се Ин понимал, что евнух просто изливает свой восторг и не ждёт от него ответа, а потому лишь молча попивал чай. Гао Цянь не разбирался ни в каллиграфической силе мазка, ни в «костях и жилах», но, видя божественную красоту персонажей, тоже принялся наперебой хвалить картину.

Досмотрев этот отрывок и развернув следующий, Гао Цянь воскликнул уже от чистого сердца:

— Да ведь это же Чанъэ с Луны!

И это действительно была Чанъэ. Се Ин не спеша допил чашку чая, выслушав все ахи и охи Гао Цяня, после чего поднялся и разъяснил отцу с сыном, кто есть кто среди изображённых бессмертных.

— Что скажет евнух? Хороша ли картина? — с улыбкой спросил он.

Гао Лян с облегчением выдохнул и добродушно улыбнулся:

— Не то слово! Преподнеси такое самому императору — и то пройдёт за непревзойдённый шедевр! Где же цянху нашел такого живописца, что смог сотворить подобное чудо?

Се Ин ответил:

— Это вовсе не ремесленник-живописец, а образованный книжник, владеющий кистью. Я ведь и раньше говорил, что раздобыть картину в стиле красавицы Цуй нехитро. Проблема в том, что уличные живописцы набили руку на привычных мотивах: стоит ослабить контроль, и они снова сбиваются на свой излюбленный стиль. Им не хватает того изящества замысла, кое присуще образованным людям.

Гао Цянь вздохнул:

— Да какое там изящество книжников, это всё твоя находчивость, цянху Се! Ты держал этого живописца у себя дома почти два месяца, не жалея сил. Слуги, живее принесите цянху тот ларчик с жемчугом, что пожаловал сам император!

Се Ин отмахнулся:

— Не обижай меня, байху. Подумаешь, картина, чего она стоит? К тому же я не держал его у себя: этот человек просто был у меня в долгу и согласился написать свиток в знак благодарности. А уж я не раз получал покровительство и заботу от евнуха Гао — так неужели мне воспрещено отплатить за добро картиной?

<http://bllate.org/book/18372/1761313>